

ВРАЧ БЕЗ ГОРОДА

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Врач без города

«Автор»

2026

Велирский В.

Врач без города / В. Велирский — «Автор», 2026

Кайран не спрашивает документов, когда человеку нечем дышать. Но любой записанный адрес здесь может привести не только врача, а любое ведомство. Илья Северин — бывший хирург, который скрывается после смерти пациентки и подделанной медицинской записи. В чужом портовом городе он лечит незарегистрированных рабочих по ночным маршрутам, надеясь стать настолько полезным, чтобы прошлое перестало иметь значение. Когда заражённая вода вызывает вспышку болезни, его тайная сеть оказывается перед выбором: раскрыть жителей властям или оставить город без общей картины угрозы. Чтобы остановить эпидемию, Илье придётся назвать настоящее имя, вернуть семье умершей пациентки исправленную запись и помочь создать систему, где медицинская ответственность сохраняется, а дорога к человеку гаснет после помощи. «Врач без города» — напряжённая медицинская драма о цене полезности, границах доверия и ответственности, которую нельзя заменить ни спасением, ни исповедью.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Третий поворот после соли	7
Глава 2. Имя на обороте	12
Глава 3. Вода из синего крана	17
Глава 4. Белая палата	22
Глава 5. Чужой шов	29
Глава 6. Мост на отливе	34
Глава 7. Цена катера	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Врач без города

От автора

Город редко знакомится с человеком на площади. Сначала он показывает лестницу без света, закрытый проход, воду с непривычным привкусом, очередь у окна, где спрашивают не о боли, а о документе. Для врача такое знакомство особенно беспощадно: чужой город открывается ему через тела людей, которые работают, мёрзнут, боятся, рожают детей и заболевают независимо от того, нашлось ли для них место в официальном списке.

Этот роман — о помощи, которая приходит по непрочному маршруту. Иногда до пациента можно добраться только через цепочку людей, каждый из которых знает один поворот и не знает целого адреса. Такая система защищает тех, кому опасно быть видимыми, но у защиты есть цена. Потерянная запись может уберечь от преследования и одновременно лишить врача возможности понять, что одна и та же болезнь уже появилась в соседнем квартале. Точный реестр помогает остановить заражение и легко превращается в список тех, кого удобно задержать. Между этими рисками нет чистого коридора.

Илья Северин начинает историю с убеждением, знакомым многим людям полезных профессий: если он спасает достаточно других, прошлое когда-нибудь перестанет иметь значение. Полезность кажется ему платой, которой можно заменить признание вины. Но помощь не выдаёт индульгенций, а благодарность пациента не исправляет старую ложь. Ответственность начинается там, где человек позволяет проверить не только удачный результат, но и решение, которое оказалось неверным.

Врачебные эпизоды здесь служат характеру и конфликту. Это художественная проза, а не руководство по диагностике или лечению. Симптомы, ограничения ресурсов и разговоры о риске нужны для того, чтобы герои выбирали под давлением времени и отвечали за выбор. Они не заменяют обращения к лицензированным специалистам и не должны использоваться как практический совет. Там, где реальная медицина стремится к протоколу, консультации и проверке, роман неизбежно сжимает время и оставляет на странице только драматически значимое.

Мне было важно не делать чужой город декорацией для нравственного взросления приезжего. Кайран существует до появления Ильи и продолжит существовать без него. Ада, Мара, Самир, Рашид и другие жители не собираются в хор, чтобы вынести герою общий приговор или подарить общее прощение. У каждого есть работа, страх, долг и право ошибиться. Их отношения с Ильёй меняются не потому, что он произносит правильные слова, а потому, что последствия его решений входят в их дома.

Здесь нет простого спора между милосердием и законом. Закон способен защищать медицинскую тайну и способен выдавать уязвимого человека системе контроля. Нелегальная клиника способна оказаться единственной доступной помощью и способна скрывать собственные ошибки. Чиновник может добиваться опасного реестра не из жестокости, а потому что видел, как болезнь распространяется в слепой зоне. Врач может искренне хотеть спасти пациента и всё равно присвоить себе право решать за него.

Поэтому главный вопрос книги касается не безошибочности. Безошибочных решений в Кайране не будет. Вопрос в том, кто сможет увидеть основание выбора, назвать причинённый ущерб и потребовать исправления. Запись важна не как знак тотального наблюдения, а как обещание: последствия нельзя тихо переписать после того, как опасность миновала.

Название «Врач без города» говорит не только о человеке без законного места. Можно прожить много лет в одном городе и оставаться вне его ответственности. Можно приехать недавно и принять на себя долг, не требуя принадлежности в награду. Илье предстоит узнать, что дом — не убежище от прошлого и не плата за полезность. Иногда право называться своим начинается с готовности уйти, оставив после себя не легенду о спасителе, а систему, способную работать и спорить без него.

Эту историю лучше читать не как ответ на вопрос, сколько сведений должен знать город. Единого числа для всех случаев не существует. Смотрите на то, кто просит данные, ради какой цели, на какой срок и кто потом сможет проверить использование. Именно в этих конкретных границах герои будут искать дорогу между помощью и властью.

Глава 1. Третий поворот после соли

Первый ориентир исчез прежде, чем Илья успел его увидеть.

— Тележка с жёлтым тентом, — сказала Мара у рыбного навеса. — От неё направо.

На мокром месте, где только что стояла тележка, остались две светлые полосы от колёс и раздавленная рыба чешуя. Хозяин уже катил свой товар к таможенным воротам: на востоке темнело, и торговцы торопились продать остатки до ливня.

Илья посмотрел направо. Проходов было три.

— Какой?

— Теперь никакой. Идём за мной.

Мара не оглянулась. Она двигалась между лотками так, словно толпа была водой, а ей одной известны отмели. Плечом уклонялась от корзин, переступала через канаты, вовремя замедлялась перед носильщиками, которые шли спиной вперёд под длинным ящиком. Илья держал сумку над коленом, защищая её от ударов. Ручки набухли от сырости и резали ладонь.

В Кайране адрес начинался с человека, согласившегося привести.

За рыбным навесом запахло горячим железом, соляжкой и фруктами, лопнувшими в ящиках. Под складскими крышами грохотали ролики. На грузчиках рубахи потемнели между лопаток; соль выступала на ткани белыми берегами. При каждом стоне портового крана люди на мгновение поднимали головы.

— Что с Нури? — спросил Илья.

— Упал.

— Откуда?

— Если бы я знала достаточно, чтобы ответить на всё, я бы не тащила тебя.

— Он в сознании?

— Был, когда за мной пришли.

Мара говорила коротко не от одышки. За месяц Илья понял: это не скрытность, а ремесло. Один человек знал поворот, другой — дверь, третий — имя пациента. Если одного останавливали, он выдавал обрывок, бесполезный без остальных.

Илья сперва считал такую систему суеверием напуганных людей. Потом увидел, как после проверки опустела ночлежка возле западной стены.

У соляных весов Мара остановилась. На площадке лежали серые холмы, укрытые брезентом. Ветер поднимал с краёв мелкую пыль; она липла к лицу, мгновенно находила трещины на губах. Рабочий в кожаном фартуке увидел Мару и поднял три пальца. Она ответила одним.

— Третий поворот после соли, — сказала она Илье. — Потом дверь, возле которой слышно швейную машину.

— Ты со мной не идёшь?

— Пойду. Хочу знать, запомнишь ли.

Первый поворот вывел их под каменную арку. Второй оказался щелью между мастерской и стеной, где Илье пришлось развернуть сумку боком. На третьем стояла девочка с тазом мокрого белья. Она прижалась к штукатурке, пропуская их, и посмотрела не на лицо Ильи, а на его руки.

За углом стрекотала машина. Швея работала у открытого окна при свете керосиновой лампы, хотя день ещё не кончился. Мара прошла мимо нужной двери, пересекла двор, вернулась другой галереей и лишь тогда постучала: два раза, пауза, ещё раз.

— Лишний круг? — тихо спросил Илья.

— Для тебя — да.

Дверь открыл худой мужчина с седой пылью в волосах. Он отступил, не задавая вопросов. В комнате было шестеро, но тесноту создавали не люди: вдоль стен громоздились свёрнутые

маты, корзины, бухта тонкого каната, ящик с кружками. Здесь спали по очереди те, кто работал в разные смены.

Нури лежал на низком столе. Под головой у него была сложенная куртка, одна штанина разрезана до колена. Лицо блестело от пота. Возле стола женщина держала фонарь обеими руками, хотя тот почти ничего не добавлял к свету из окна.

— Север, — представила Мара.

Не врач. Не Илья. Имя, у которого не было страны и истории.

Нури попытался приподняться.

— Лежи, — сказал Илья и услышал в своём голосе приказ из другой жизни. Он смягчил тон:

— Сначала поговорим. Где болит сильнее всего?

Ответ Нури был спутан дыханием и злостью. Ящик сорвался с нижнего ряда. Он успел оттолкнуть мальчишку, но сам попал между грузом и тележкой. Удара в голову, кажется, не было. Сколько прошло времени, никто не знал. «После второго гудка» означало одно для докеров и другое для людей со склада.

Илья попросил всех, кроме Мары и женщины с фонарём, отойти. Никто не двинулся.

— Ему нужен воздух.

— Воздух есть, — сказал седой мужчина. — Места нет.

Мара что-то произнесла на местном наречии. Люди расступились на полшага — ровно настолько, чтобы Илья мог обойти стол.

Он работал молча: неосторожное слово в такой комнате становилось приговором раньше времени. Он следил за Нури, задавал вопросы, останавливался, когда боль меняла лицо пострадавшего. Левая голень выглядела плохо, но очевидная травма могла скрывать более опасную.

Инструментов не хватало, стол качался. Зато у Нури были люди: женщина подала чистую ткань, седой принёс доску, Мара освободила место. Илья распределил простые действия, не превращая сцену в урок для случайного повторения. Их задача была не вылечить Нури здесь, а не дать дороге до помощи сделать его состояние хуже.

Когда всё, что можно было безопасно сделать на месте, было сделано, Нури перестал бороться с каждым прикосновением. Он смотрел в потолок и считал стежки на натянутой под ним ткани.

— В больницу нельзя, — сказал седой.

— Я ещё не сказал, куда его нужно везти.

— Но подумал.

Илья выпрямился. В прошлой жизни он бы потребовал снимки и вызвал коллегу. Здесь документы могли спросить раньше, чем осмотрят ногу.

— Ему нужно место, где травму смогут оценить и наблюдать, — сказал он. — Здесь я не могу исключить опасные повреждения.

— На грузовом медпункте ночной смотрит сначала пропуск, — ответила Мара.

— Тогда не грузовой.

— В городской приёмной спросят адрес.

— Значит, Ада найдёт окно.

Мара склонила голову. В её молчании Илья различил вопрос, который она пока не хотела произносить: найдёт Ада или ты снова используешь Аду как дверь?

Женщина с фонарём поставила его на ящик. На её предплечье, чуть выше запястья, были три круглых пятна с воспалённым краем. Илья заметил их ещё при осмотре Нури, но принял за следы горячего масла или вьёвшейся портовой грязи. Теперь женщина почесала кожу, и одно пятно блеснуло влагой.

— Это от работы? — спросил он.

Она спрятала руку в складках платья.

— Всё здесь от работы.

— Давно появилось?

Мара перевела вопрос. Женщина ответила не сразу. Три дня назад зудело, вчера стало мокнуть. Температуры не замечала. На складе она не работала — стирала одежду грузчиков и носила воду из общего двора.

У двери засмеялся мальчик. Он сидел на корточках, прижав к груди деревянную катушку. На щиколотке темнело такое же пятно — круглее, меньше, с тем же влажным краем.

Илья подозвал его. Мальчик отступил.

— Он не трогал ящики, — быстро сказала женщина.

— Я вижу.

— Это жара.

— Возможно.

Два похожих поражения ещё ничего не доказывали. Общая вода, ткань, насекомые, случайность — слишком много путей, чтобы выбрать один по виду кожи.

И слишком мало данных, чтобы забыть.

Илья достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. На одной стороне был перечень лекарств, которые Ада просила найти у портового аптекаря. На чистом поле он написал дату, примерный возраст женщины и мальчика, видимые признаки, отсутствие подтверждённой лихорадки. Потом добавил: «один двор».

— Что ты пишешь? — спросила Мара.

— То, что видел.

— Ты видел эту дверь.

— Дверь я не записываю.

— Бумага у тебя в кармане. Значит, её можно вынуть.

Седой мужчина приблизился к столу. Остальные снова перестали заниматься своими делами. Даже Нури повернул голову.

Илья показал лист Маре. Она читала медленно, касаясь ногтем каждой строки.

— «Один двор» — это уже место.

— В Кайране тысячи дворов.

— Для тебя. Не для того, кто найдёт рядом список лекарств Ады.

Он перевернул лист. Название аптеки, имя посредника, две пометки о времени. Отдельные крошки вдруг сложились в след. Не адрес — направление. Достаточно для человека, который умеет давить на правильных людей.

Илья почувствовал раздражение, потому что Мара была права и потому что правота мешала ему делать работу так, как он привык. Он вырвал поле с записями, разорвал остаток ещё дважды. Кусочки с маршрутом и именем аптекаря поднёс к лампе. Бумага почернела, свернулась и упала в пустую кружку. Запись о симптомах он переписал на отдельный клочок, без двора, без посредника, только с условным знаком — двумя пересечёнными линиями.

— Теперь хорошо? — спросил он.

— Теперь безопаснее, — ответила Мара.

Не «хорошо». В Кайране это были разные слова.

Они подготовили Нури к переноске. Дверную створку сняли с петель и положили на две жерди; мужчины проверили её вес, споря шёпотом. Илья объяснил, что Нури нельзя нести рывками, и поставил Мару впереди: она знала, где проходы не перегорожены к вечеру. Женщина с пятнами осталась у стола, собирая обгоревшие кусочки бумаги. Она растёрла самый крупный между пальцами, пока буквы не стали серой пылью.

На обратном пути город готовился к дождю. Торговцы затягивали тенты, с крыш спускали цепи к бочкам. У соляных весов брезент придавили камнями. Влажный ветер не принёс прохлады; сумка казалась тяжелее пострадавшего.

Ада ждала их в прачечной за Краси́льным двором. Днём там стирали постельное бельё для гостиниц, ночью между котлами ставили две складные койки. Пар не уходил даже при открытых окнах. Пахло щёлоком, влажным полотном и горелой пылью от вентилятора.

Она не спросила, почему они опоздали. Осмотрела Нури, коротко переговорила с ним и велела перенести на дальнюю койку. Работала быстро, но не торопливо. Илья подавал ей всё, что требовалось, ощущая знакомое облегчение: здесь его слова понимали с первого раза, а решения можно было разделить хотя бы на двоих.

— Наблюдаем до темноты, — сказала Ада. — Потом проведём через ремонтный вход в городской приёмный покой. Дежурит Кадир. Он сначала смотрит человека, потом бумагу.

Седой мужчина хотел возразить, но Мара сказала:

— Я пойду с Нури.

Этого оказалось достаточно.

Ада вымыла руки, вытерла их о собственный фартук и посмотрела на Илью.

— Ещё что?

Он протянул ей клочок.

— Двое в одном помещении. Похожие изменения кожи. Три дня, возможно общая вода или бельё. Других признаков пока нет.

— Где?

— Я не записал.

— Я спросила не о записи.

Мара встала между котлом и окном. Пар обрисовал её плечи белой каймой.

— Место у меня, — сказала она. — Если понадобится, приведу.

Ада прочла заметку ещё раз.

— Если завтра таких будет пять, как ты поймёшь, что они соседи?

— По тебе, — ответил Илья Маре.

— А если меня заберут у ворот? — спросила она. — Или я поведу другого врача? Или женщина уйдёт до утра?

— Значит, нужен знак, который не раскрывает путь.

— Две перечёркнутые черты? — Ада подняла клочок. — Это знак в твоей голове. Он умрёт вместе с твоей памятью.

Илья почувствовал, как внутри поднимается старое упрямство. В клинике оно помогало ему не отступать, когда остальные сомневались. После смерти Веры он долго называл это качеством хирурга.

— Полный путь опаснее, чем потерянная связь.

— Для кого? — спросила Ада.

Мара ответила раньше него:

— Для тех, кто живёт за дверью.

— А потерянная связь опаснее для тех, кто ещё не заболел, — сказала Ада. — Я не прошу адрес. Я прошу способ проверить, относятся ли два случая к одному месту.

— Любой способ можно развернуть обратно.

— И отсутствие способа тоже кого-нибудь убьёт. Просто потом мы не узнаем, что могли увидеть раньше.

За окном ударили первые крупные капли. Они падали редко, каждая оставляла на пыльном дворе тёмный круг. Нури за занавеской что-то сказал; седой наклонился к нему. Вентилятор остановился, и тишина сразу стала плотнее.

Илья взял у Ады клочок. На секунду ему захотелось дописать всё, что он помнил: третий поворот после соли, швейная машина, галерея, дверь с тройным стуком. Память предлагала послушно восстановить уничтоженный путь. Он мог бы сделать запись точной, полезной, опасной — и оставить решение о её судьбе себе.

Он сложил клочок и вернул Аде.

— Симптомы остаются у тебя. Путь — у Мары.

— Это не система, — сказала Ада.

— Пока нет.

— А когда станет системой, ты захочешь держать обе половины.

Она сказала это без злости, будто уже увидела свой прогноз и ждала, подтвердит ли он его. Илья посмотрел на Мару. Та стояла у окна и следила, как дождь стирает с двора следы носилок.

— Нет, — сказал он.

Мара обернулась.

— Хорошо, Север. Тогда запомни не дорогу. Запомни, кому ты сейчас это обещал.

Глава 2. Имя на обороте

К полуночи прачечная перестала притворяться прачечной.

Последнюю тележку с гостиничным бельём откатали к красильному двору, дверь заперли на внутренний крюк, а мокрые простыни развесили поперёк окон. За ними ещё двигались тени ночной смены, но с улицы нельзя было различить, кто кипятит бельё, а кто держит фонарь над койкой. Пар оседал на кафеле и стекал к стоку тонкими серыми ручьями.

Нури спал после дороги. Его лицо больше не блестело от боли, однако стоило ему повернуться, как пальцы впивались в край матраса. Мара ушла искать человека с тележкой, которая могла пройти через ремонтные ворота городской больницы. Седой мужчина остался за занавеской и дышал громче пациента.

Ада вынесла из кладовки школьную тетрадь в синей обложке, положила на гладильный стол и прижала угол стеклянной банкой.

— Что это? — спросил Илья.

— То, чего у нас не было вчера.

Она расчистила стол. С одной стороны легли чистые бинты, с другой — тетрадь, карандаш и кусок копировальной бумаги. Илья увидел разграфлённую первую страницу: дата, условное имя, жалоба, сделанное, осложнение, следующий контакт. Ни адреса, ни места работы, ни страны.

— Журнал, — сказал он.

— Журнал осложнений. Если после нас человеку хуже, мы должны узнать об этом не по похоронам.

— Бумага останется здесь?

— Оригинал — в железном ящике. Лист с дорогой к пациенту хранит проводник. У листов одинаковый номер. Вместе они существуют только во время вызова.

Илья провёл ногтем по первой пустой строке. Система была простой, почти наивной. Поэтому её хотелось немедленно улучшить: добавить возраст, время появления симптомов, реакцию на лекарства, отдельную графу для наблюдения. Он уже видел, как сведения можно сопоставлять, как повторение перестанет зависеть от памяти одного человека.

И одновременно видел человека, который войдёт сюда с ключом и унесёт железный ящик.

— Номера тоже образуют карту, — сказал он.

— Только если захватить и ящик, и проводников, и заставить их говорить одинаково.

— Людей заставляют говорить.

— Поэтому у каждого только его часть.

Ада перевернула тетрадь. На задней стороне обложки она начертила три короткие строки.

— Кто принял решение. Кто был рядом. Кому передали наблюдение.

— Условных имён достаточно.

— Для пациента — да. Для того, кто лечит, — нет.

Илья посмотрел на неё. В соседнем помещении с глухим звоном опустилась крышка котла. Вода в трубах вздрогнула.

— Ты предлагаешь оставить здесь настоящее имя врача без лицензии.

— Я предлагаю оставить имя человека, который выбрал действие. Не звание. Не номер диплома.

— Тогда журнал станет признанием.

— А сейчас чем является Нури? — Ада кивнула в сторону занавески. — Если ночью ему станет хуже, КаDIR спросит, что мы сделали. Мара скажет: «Север». Я скажу: «Север». Кто

это? Откуда он взялся? Можно ли найти его через неделю? Или это удобное слово, которое исчезнет вместе с первым кораблём?

Илья хотел ответить, что никуда не собирается. Но именно так говорили люди, у которых не было ни договора, ни ключа, ни права на следующий день.

Ада подвинула карандаш.

— Напиши.

— Ты знаешь моё имя.

— Я знаю, что однажды ты назвался Ильёй. Не знаю, правда ли это. И не проверяла.

— А теперь решила проверить тетрадь?

— Нет. Решила, что непроверенное имя всё равно лучше безымянного решения. Ложь хотя бы принадлежит тому, кто её написал.

За занавеской застонал Нури. Илья отложил карандаш и подошёл к койке. Состояние пациента не стало резко хуже; он проснулся от судороги и пытался сесть. Илья помог ему устроиться удобнее, проверил то, что требовало наблюдения, задал несколько коротких вопросов. Седой мужчина отвечал за Нури, пока тот не оттолкнул его руку.

— Я сам, — сказал Нури.

Голос был слабым, но ясным. Илья выслушал его и вернулся к столу.

— До передачи мы отвечаем вместе, — сказала Ада. — Поэтому моё имя будет рядом.

Она первой написала: «Ада Рем». Буквы получились прямыми и некрасивыми, как швы на рабочем фартуке.

Илья взял карандаш. Графит оставил на пальце тёмную полосу. Настоящее имя стояло у него в голове целиком: Илья Северин. Оно помещалось в строку. За ним тянулись университетский коридор, операционная, подписи в историях болезни, разбор, на котором каждый говорил точными словами и никто не произнёс слова «страх».

Он написал: «Север».

Ада прочла, но спорить не стала. Поставила рядом время и номер листа.

— Вот теперь это твоя ложь, — сказала она.

— Это имя, по которому меня находят здесь.

— Посмотрим, останешься ли ты, когда по нему начнут искать не для благодарности.

Нури засмеялся за занавеской — один раз, без веселья. Илья обернулся. Пациент смотрел на стол через щель между простынями.

— Что смешного?

— Север, — повторил Нури. — Хорошее имя для человека с южной фотографией.

Седой резко выпрямился. Ада закрыла тетрадь ладонью.

Илья подошёл к койке медленно. Он знал это чувство: ещё не опасность, только изменение воздуха перед ней. В операционной так менялся звук приборов за мгновение до того, как цифры подтверждали беду.

— Какой фотографией?

— Я плохо сказал. От боли.

— Боль не придумывает фотографии.

Нури отвернулся. На виске у него выступил пот. Седой мужчина шагнул к выходу, но Ада сказала ему остаться. Не приказала — назвала по имени, и тот замер у котла.

— Покажи, — сказал Илья.

— Нечего показывать.

— Тогда расскажи, где видел.

Нури закрыл глаза. Его дыхание стало мельче, и Илья ненавидел себя за то, что должен был отделять страх от возможного ухудшения состояния. Он снова проверил пациента, не позволяя разговору заменить наблюдение. Только убедившись, что непосредственной перемены нет, повторил вопрос.

— В бумажнике, — сказал Нури. — Не моём.

— Чьём?

— Сестры.

— Откуда у неё моя фотография?

— Там не твоя. Там много людей. В белом. Ты стоишь с краю.

Илья почувствовал, как прачечная отодвинулась: пар, котлы, синяя тетрадь стали плоским фоном. Перед ним возник снимок, сделанный на лестнице областной клиники после конференции. Два ряда врачей, белые халаты поверх праздничной одежды. Он действительно стоял с краю, потому что опоздал. Вера была в первом ряду.

Фотографии печатали для отделения. Одну повесили у ординаторской. Несколько разошлись по рукам.

— Как зовут сестру?

Нури взглянул на Аду, потом на седого.

— Лале.

— Где она взяла снимок?

— Сначала обещай, что не запишешь.

— Я ещё ничего тебе не обещал.

— Тогда я ошибся. Лицо похожее, и всё.

Ада не вмешивалась. Это было хуже помощи: она оставляла Илье его решение целиком.

Он мог прижать Нури вопросами. Пациент зависел от них, от тележки Мары, от молчания Кадира. Любое согласие, данное сейчас, было испорчено этой зависимостью. Илья знал название для такого давления. Когда-то правильные названия казались ему достаточной защитой от неправильных поступков.

— Твоё лечение не зависит от ответа, — сказал он. — Тебя всё равно передадут Кадиру. Мы всё равно скажем, что наблюдали. Но если твоя сестра хранит снимок из моей старой больницы, я должен понять почему.

Нури открыл глаза.

— Должен ей или себе?

Вопрос попал точнее, чем мог знать Нури.

— Сначала ей, если она в опасности.

— Она уже в опасности. Три недели кашляет. Сегодня на платке была кровь.

Седой мужчина тихо выругался. Ада убрала руку с тетради.

— Где Лале? — спросила она.

— На старой таможне, где сортируют канаты.

— Это не адрес.

— Адреса у неё нет. Ночует там, где ночная бригада.

Илья продолжал смотреть на Нури.

— Фотография?

— Лежит вместе с письмом. Лале получила его от женщины, которая умерла в дороге.

Женщина велела найти человека на снимке, если станет совсем плохо.

— Имя женщины.

— Не скажу.

— Она была врачом?

— Не скажу.

— Она приехала с севера?

Нури сжал губы. Ответ уже был в том, как он избегал ответа.

Илья отошёл к окну. На мокрой простыне проступали огни двора, красные и жёлтые пятна. Он пытался сосчитать людей, у которых мог оказаться тот снимок, и каждый путь при-

водил к Вере. Коллега. Пациентка. Родственница. Человек, которому она доверяла больше, чем ему.

Но Лале кашляла кровью сейчас, в Кайране. Это было единственным фактом, который нельзя было отложить ради прошлого.

— Почему она не пришла раньше? — спросила Ада.

— Боится больницы. На таможне проверяли бумаги после драки. Двоих увезли.

— А сюда?

— Я не знал, можно ли вам верить. Сегодня увидел его.

Нури кивнул на Илью. Сделка стала видна целиком: узнавание не было угрозой само по себе. Оно было залогом.

— Ты молчишь о фотографии, — сказал Нури. — И о Лале. Идешь к ней до рассвета. Тогда я молчу о тебе.

— Нет, — ответил Илья.

Седой мужчина снова двинулся к двери. Ада осталась у стола.

Нури побледнел.

— Тогда зачем спрашивал?

— Потому что твоя сестра нуждается в помощи. Но ты не покупаешь её моим именем. И я не покупаю твоё молчание её лечением.

— Красивые слова человека, которого не поведут на границу.

— Поэтому будут условия, одинаковые для нас обоих.

Илья развернул синюю тетрадь к себе. Под строкой с именами он написал номер нового листа. Рука не дрожала, и это почему-то пугало сильнее.

— Мы идём к Лале, если проводник подтверждает путь и остаётся рядом. Ада получает сведения о симптомах и о том, что будет сделано. В журнале не будет таможни, фотографии и имени твоей сестры — только условное имя и номер. Если ей нужна больница, решение не откладывается из-за твоей сделки.

— А твоё имя?

Илья посмотрел на слово «Север» на обороте обложки.

— Если фотография существует, Ада увидит её. Не заберёт, не переписит и не покажет другим. Она подтвердит, что на ней я. После этого ты не обязан молчать. Но если решишь говорить, скажешь только то, что видел сам: человек по имени Север похож на человека со старого снимка. Никаких историй, которых ты не знаешь.

— Ты приводишь свидетеля против себя?

— Я убираю торговлю пациентом.

Нури долго молчал. За воротами прокатили пустую бочку. Где-то в красильне лязгнула цепь.

— Лале не пустит двоих, — сказал он наконец.

— Тогда идёт Ада, — сказал Илья.

Ада покачала головой.

— Она ждёт человека со снимка. Иначе не покажет письмо. Пойдёте оба. Я останусь с Нури и подготовлю передачу Кадиру.

Илья понял, что она уже распределяет риск, хотя минуту назад была условием его сделки.

— Кто проводник?

Седой мужчина ответил неохотно:

— Я.

— Нет, — сказал Нури. — Мара знает вход со стороны канатного двора.

Будто её имя было вызовом, в дверь постучали дважды, помолчали и постучали ещё раз. Седой открыл. Мара вошла вместе с запахом дождя. Платок прилип к шее, на рукаве темнела ржавая полоса.

— Тележка будет через двадцать минут, — сказала она. — Что произошло?

Ада не пересказала разговор. Показала тетрадь, строку «Север» и новый номер.

— Ещё один вызов. До рассвета. Старая таможня, канатный двор. Пациентка кашляет с кровью. Путь знаешь ты.

Мара посмотрела на Илью.

— А что знает пациент?

— Моё лицо, — ответил он. — Возможно, часть старого имени.

— И ты всё равно пойдёшь?

Илья взял сумку. После Нури в ней оставалось меньше необходимого, чем ему хотелось. Привычка требовала проверить содержимое трижды; времени хватало на один раз.

— Пойду, если ты согласишься на условие.

— Какое?

— До двери путь принадлежит тебе. После двери решение о срочности принадлежит не мне одному: ты слышишь основания, пациентка слышит выбор, а Ада получает запись. Если я попытаюсь обменять помощь на фотографию, ты уводишь меня.

Мара сняла мокрый платок и выжала его над стоком.

— А если фотография заставит тебя забыть, зачем пришёл?

— Тогда тоже уводишь.

Она кивнула не сразу.

— Тележка для Нури приходит через двадцать минут. Мы выходим, когда Кадир примет его у ремонтных ворот. Не раньше. И если у Лале есть кровь на платке, ты сначала смотришь на неё, потом на своё прошлое.

Илья закрыл тетрадь. Его новое имя осталось на обороте — не настоящее, но уже проверяемое хотя бы тем, что утром его можно будет потребовать снова.

— Сначала на неё, — сказал он.

Глава 3. Вода из синего крана

Нури передали у ремонтных ворот без имени и без лишних слов. Кадир осмотрел крепления на тележке, выслушал Аду и повторил вслух номер листа из синей тетради. Только после этого Мара тронула Илью за локоть.

— Теперь идём.

Дождь вымыл из переулков пыль, но не жару. Старая таможня стояла у заброшенного ответвления канала: два склада без вывесок, двор под рваными навесами и башня с навсегда застывшими часами.

Мара вела не к воротам. Они обогнули стену, прошли между штабелями канатов и нырнули под низкую цепь. Илья замечал приметы пути и заставлял себя забыть: жёлтая лодка на кирпичах, три выбитых окна, рыба на жестяной двери. Через неделю всё могло измениться.

Лале ждала в комнате над весовой. Она оказалась старше Нури и совсем не похожа на него: сухое лицо, коротко остриженные волосы, внимательный взгляд человека, который заранее решает, какую часть правды отдаст вошедшему. На перевёрнутом ящике возле матраса стояла эмалированная кружка. Рядом лежал сложенный платок с тёмным пятном.

— Он? — спросила Лале у Мары.

— Человек со снимка, — ответила та. — Но сначала он пришёл как врач.

— Сначала я пришёл посмотреть, насколько срочно вам нужна больница.

— Значит, Нури всё-таки продал меня.

— Он попросил помощи. Это не продажа.

— В этом городе всё становится продажей, если назвать цену после.

Она не показывала фотографию. Илья тоже не спрашивал. Он выслушал рассказ о кашле и остановился там, где вопросы переставали помогать решению этой ночи. Лале раздражало каждое его «когда», и всё же она отвечала точно.

— Вы можете пойти утром в приёмное отделение? — спросил Илья.

— Могу прийти. Не могу выйти оттуда, если попросят бумагу, которой у меня нет.

— Если кровь повторится или состояние изменится, ждать утра опаснее, чем проверка.

— Опаснее для кого?

Мара прислонилась к двери, не позволяя разговору превратиться в спор двоих.

— Назови ей выбор целиком, Север.

Илья назвал, что можно сделать сейчас, чего без обследования не узнать и при каких изменениях Мара повезёт Лале к Кадире. Безопасности ни одного пути он не обещал.

Когда он закончил, снизу закричали.

Крик был коротким, затем послышался грохот ведра и быстрые шаги по лестнице. В комнату вбежала девочка лет двенадцати, босая, в мужской рубахе до колен.

— Тётя Лале, у Саида опять живот. Он не встаёт.

Мара отлепилась от двери.

— Опять?

— С вечера. А теперь и у Яны.

Лале поднялась слишком быстро, закашлялась и прижала платок ко рту. Илья успел подержать её за плечо. Она отстранилась, но не села.

— Где дети? — спросил он.

— Внизу, за сетями, — сказала девочка.

— Кто ещё заболел?

Та загнула пальцы.

— Саид. Яна. Маленький Бек. У дяди Тома было утром, но он ушёл на смену.

Четыре имени в одном дворе меняли порядок ночи. Илья посмотрел на Мару.

— Ты знала?

— Знала про Саида. Думала, еда.

— Все ели вместе?

— Здесь половина двора ест из одной кухни, другая — где придётся.

За перегородкой из сетей лежал мальчик, поджав колени. Женщина обмахивала его картонкой. На соседнем тюфяке сидела серая от усталости Яна с младенцем на руках.

Илья переходил от одного к другому, не пытаясь немедленно дать общей беде одно название. Люди говорили одновременно, называли разные блюда, ругали вчерашнюю рыбу и нового грузчика с восточного судна.

— Замолчите на минуту, — сказала Мара.

Её послушались не все, но стало тише.

Илья попросил назвать заболевших и время начала болезни. Мара переводила и ставила на обороте накладной лишь условные знаки и часы.

У Саида состояние вызывало наибольшую тревогу. Илья объяснил матери, почему мальчика нужно передать Кадиру сейчас, не дожидаясь рассвета. Та схватила за мальчика обеими руками.

— Он спросит документы.

— Кадир сначала примет ребёнка.

— А потом?

Илья не стал обещать за Кадира, больницу и городскую службу.

— Потом Мара останется с вами. Но если мы оставим его здесь только из-за страха проверки, решение всё равно будет нашим. Моим тоже.

Мать посмотрела на Лале. Та кивнула.

Пока Мара устраивала перенос, Илья продолжил спрашивать. Общей кухни не было: Саид ел лепёшку с чечевицей, Яна — рис со склада, Бек почти ничего не ел. Рыба тоже не связывала их. Все пользовались двумя уборными, но это ещё ничего не доказывало. Все жили под одной крышей — слишком широкая связь.

— Воду откуда берёте? — спросил он.

Женщина с картонкой показала на двор.

— Из крана.

— Городского?

Она не поняла вопроса.

Лале ответила за неё:

— У нас два бака. Белый для работы, синий для питья. Рашид привозит через день.

Во дворе под навесом стояли две металлические ёмкости. От синей шёл шланг к крану, покрашенному той же густой краской. Под ним блестела лужа. К кружке была привязана проволока, чтобы не унесли.

Илья не прикоснулся к воде. Её вид не отвечал на главный вопрос. Он спросил, когда была последняя доставка.

— Вчера после полудня, — сказала Лале.

— До неё кто-нибудь болел?

Люди переглянулись. Дядя Том жаловался утром — значит, после доставки. У Бека началось ночью. У Яны — ближе к вечеру. Но один грузчик, как вспомнила женщина с картонкой, бежал к уборной ещё три дня назад. Он пил ту же воду из предыдущей партии.

— Рашид моет бак? — спросил Илья.

— Он развозит воду, а не исповедуется перед ней, — сказала Лале.

— Откуда набирает?

— Когда как. На северной колонке, у ледяного рынка, иногда у порта, если колонку закрывают.

«Когда как» было хуже любого названия источника. Оно соединяло десятки дворов и одновременно не доказывало ничего.

Мара вернулась с двумя мужчинами и куском парусины для переноса Саида.

— На угольном дворе вчера заболели трое, — сказала она. — Я думала, жара. Туда тоже возит Рашид.

— Какая машина?

— Синяя цистерна. У него ещё есть жёлтая, но у неё сломана ось.

Илья почувствовал знакомое давление: несколько разрозненных деталей вдруг требовали решения раньше, чем превращались в доказательство. В прежней операционной это давление было ярким светом и чужими глазами над масками. Здесь — босыми ногами в луже и кружкой на проволоке.

— Эту воду пока не пить, — сказал он.

Лале посмотрела на полный бак.

— А какую?

Он не ответил сразу. Запрет без замены был не медицинским решением, а переносом беды на завтра.

— Мара, где можно взять воду для этого двора до утра?

— У ночной пекарни есть свой подвод. Хозяин даст два бидона, не больше.

— Этого мало.

— Тогда просить прачечную. Но там вода нужна котлам.

Лале усмехнулась.

— Вот и вся наука. Бак запретил, воду не создал.

Илья выдержал её взгляд.

— Да. Поэтому запрет должен иметь срок и имя. До полудня не пить из синего бака. Мара сообщает Аде номера случаев. Я ищу Рашида и источник этой партии. Если связь не подтверждается, запрет снимаем и записываем ущерб.

— Записываем куда? На стену, чтобы вода появилась?

— В журнал решения.

— Журнал пить нельзя.

Это слышали все. Илья понял, что правота без воды здесь будет выглядеть именно так: сухой строкой в тетради человека, который уйдёт.

— Нельзя, — согласился он. — Поэтому я останусь, пока не будет замены хотя бы на ночь.

Мара уже отдавала распоряжения. Один мужчина побежал к пекарне, другой — в прачечную. Лале велела развязать запасные парусиновые мешки, чтобы нести бидоны. Решение Ильи немедленно стало чужой работой.

Саида вынесли первым. Его мать шла рядом, прижимая к груди сандалии сына. Мара поручила дорогу другому проводнику, а сама осталась с Ильёй.

— Ты запретил цистерну или только этот бак? — спросила она.

— Пока этот бак.

— На угольном дворе та же машина.

— Тогда предупредить их не пить до проверки.

— А рыбный навес? А кирпичные печи? Рашид делает восемь остановок.

Восемь дворов означали сотни людей и ни одного лабораторного результата. Ожидание и остановка развозки одинаково имели цену.

— Найди его маршрут, — сказал Илья.

— Маршрут знает Рашид.

— Тогда найдём Рашида.

Он вернулся к Лале. Та сидела у стены, снова сдерживая кашель. Письмо лежало рядом, фотография была вынута наполовину. На белом краю виднелся рукав халата.

— Вы пришли за этим, — сказала она.

— Пришёл к вам.

— А теперь уходите за водой.

— Потому что заболели люди.

— Удобный ответ.

Она протянула снимок, но не отпустила, когда Илья взялся за угол. На выцветшей бумаге стояла группа врачей у лестницы. Илья увидел себя с краю и Веру в первом ряду — не пациентку, а молодого анестезиолога с упрямо поднятым подбородком. На секунду двор исчез.

— Женщина, принёсшая письмо, знала её? — спросил он.

— Вы обещали сначала смотреть на пациента.

Мара стояла в дверях.

Илья отпустил фотографию.

— Уберите. Я вернусь после того, как найдём безопасную воду. Если кровь повторится, вы едете к Кадиру без меня.

— А письмо?

— Оно подождёт лучше, чем Саид.

В переулке уже светлело. Рашида нашли у ледяного рынка. Синяя цистерна стояла между лотками, и вокруг неё собрались женщины с вёдрами. Худой мужчина в промокшей жилетке держал шланг, пока его помощник принимал монеты.

— Закрой кран, — сказала Мара.

Рашид повернул голову, узнал её и не закрыл.

— В очередь.

— Вода могла вызвать болезнь на старой таможне.

Помощник перестал считать деньги. Женщина у шланга отёрнула ведро.

— Могла? — переспросил Рашид. — Или вызвала?

Илья подошёл ближе.

— Мы видели несколько случаев после вчерашней доставки. Похожие случаи есть на угольном дворе. До проверки эту партию нельзя развозить.

Рашид наконец перекрыл рычаг.

— Кто ты?

— Север. Врач.

— Городской врач?

— Нет.

— Лаборатория у тебя в кармане?

— Нет.

Рашид оглянулся на людей с вёдрами. Они уже отступали от цистерны, будто одно слово могло заразить железо.

— Я набрал воду там же, где вчера брали две гостиницы, — сказал он. — У них никто не прибежал с животом. У меня квитанция.

— Покажи.

— Сначала покажи свой знак врача.

Илья молчал. Рашид понял ответ и засмеялся.

— Человек без бумаги запрещает воду человеку с квитанцией.

— Квитанция говорит, где ты заплатил. Не говорит, что было в цистерне до набора и что попало в неё после.

— А твоё имя говорит, что ты отвечаешь?

Вопрос Ады вернулся другим голосом.

Илья посмотрел на очередь. Люди пришли до смены. Если сейчас они уйдут, новую воду многим придётся покупать дороже или нести издалека. Но если он отступит только потому, что не может доказать источник здесь, решение примет не осторожность, а страх предъявленного счёта.

— Сегодня из этой цистерны не продаёшь, — сказал он.

Рашид шагнул к нему. Между ними остался мокрый шланг.

— Ты купишь всю воду?

— Нет.

— Заплатишь людям, которые уйдут без неё?

— Нет.

— Тогда что именно ты запрещаешь? Моим детям есть вечером?

Мара встала сбоку, не между ними.

— Рашид, если он ошибся, это будет записано.

— Записано кем?

— Адой. В журнале клиники.

— Я не кормлю семью журналом клиники.

Илья достал из сумки лист, но понял, что пустая бумага сейчас только разозлит Рашида. Он убрал его обратно.

— Назови восемь остановок, — сказал он. — Мара предупредит людей. Ада соберёт время случаев без адресов. Ты покажешь, где набирал воду и когда чистил цистерну. Мы передадим образец туда, где его смогут проверить.

— А до тех пор?

— Цистерна стоит.

Рашид медленно обошёл машину и выдернул ключ из замка. Очередь распадалась. Кто-то ругал его, кто-то Илью, кто-то уже бежал к другой колонке. Помощник пересчитал монеты и спрятал их, не глядя на хозяина.

— Хорошо, Север без города, — сказал Рашид. — Пиши своё решение. Пиши время. Пиши, сколько в баке литров, сколько остановок и сколько я теряю за день. А вечером придёшь сюда и ответишь лично.

Он подошёл так близко, что Илья почувствовал запах сырой ткани и табака.

— Не Ада. Не Мара. Не твой журнал. Ты.

Илья вспомнил слово «Север» на обороте синей тетради. Там оно казалось отсрочкой, половиной имени. Теперь чужой дневной заработок делал его достаточным для долга.

— Приду, — сказал он.

Рашид протянул ключ не ему, а Маре.

— Тогда сторожи свою правоту до вечера.

Глава 4. Белая палата

К полудню восемь остановок Рашида превратились в восемь разных рассказов об одной воде.

На рыбном навесе говорили, что цистерна пахла железом. У кирпичных печей клялись, будто вода была теплее обычного. На угольном дворе двое заболевших пили из синего бака, а третий носил воду с городской колонки. У старой таможни мать Саида винила чечевицу, хотя Яна её не ела. Каждая подробность могла оказаться важной; вместе они создавали шум, в котором удобнее всего было выбрать первую понятную причину.

Ада освободила дальний стол прачечной-клиники. Обычно там складывали сухие простыни, теперь лежали восемь узких полос бумаги. На каждой — знак остановки, который ничего не говорил человеку со стороны: крюк, две волны, рассечённый круг, лестница. Мара держала маршруты в голове и называла только знак, число заболевших и время начала. Илья записывал симптомы. Ада останавливала обоих, если они пытались добавить лишнее.

— «Мальчик у зелёной двери» вычёркивай, — сказала она Илье.

— Дверь не адрес.

— Сегодня не адрес. Завтра её перекрасят, а послезавтра санитарный патруль спросит, где в городе одна зелёная дверь и трое детей. Оставь: ребёнок, условный номер четыре.

Илья зачеркнул слова. Бумага под пером размокла от пота на ладони.

Мара вернулась с угольного двора, положила на стол медную шайбу и назвала её знаком участка. Там было пятеро с похожим началом болезни за последние двое суток. Двое пользовались водой Рашида, один покупал её у другого развозчика, про остальных никто не мог сказать уверенно.

— Значит, синяя цистерна не единственная связь, — сказал Илья.

— Или люди не хотят говорить, у кого берут воду, — ответила Мара. — Рашид даёт в долг. Другой развозчик дешевле, но требует платить сразу. Признаться в источнике — признаться в долге.

Ада передвинула шайбу к рассечённому кругу.

— Не соединяй пока. У нас есть время начала, но нет общего определения случая.

Илья посмотрел на неё.

— Похожее начало, боль, слабость. Для решения о воде достаточно.

— Для вчерашнего решения — возможно. Для списка — нет. Если мы запишем всё, что жители называют одной болезнью, ты докажешь любую версию, какую захочешь.

За занавеской кто-то закашлялся. В передней комнате гудели утюги, пахло влажным полотном и щёлоком. Клиника пряталась внутри обычного рабочего дня, но сегодня обычный день едва держался: женщины гладили медленнее, прислушиваясь к каждому имени.

Илья составил короткий набор признаков, достаточный для сравнения, без диагноза и без обещания точности. Ада переписала его своим ровным почерком и дала Маре. Та прочла, вернула лист.

— Я не понесу это по дворам.

— Почему?

— Потому что это уже анкета. Люди увидят одинаковые вопросы и решат, что за мной идёт список.

— Без одинаковых вопросов мы не поймём, одинаковая ли болезнь.

— Тогда спрашивать будут разные люди. Я скажу проводникам, что нужно узнать, а лист останется здесь.

Илье хотелось возразить: каждый перескажет по-своему, часы превратятся в «до смены» и «после жары», важный признак потеряется между языками. Но именно так город и позволял

им входить в дома. Точность, которую нельзя было получить без насилия над доверием, оставалась воображаемой точностью.

— Хорошо, — сказал он. — Но каждый проводник возвращает только номер случая и время. Никаких имён.

— Никаких домов, — добавила Мара.

— Никаких домов, — повторил он.

Ада подняла глаза от полос бумаги.

— И никаких обещаний, что анализ всё решит. Сначала его ещё нужно сделать.

В стеклянном шкафу стояли четыре чистые баночки с притёртыми крышками. Их берегли для случаев, когда наблюдение не могло заменить лабораторию. Четыре ёмкости на восемь остановок и неизвестное число источников.

— Нужна вода из цистерны, из синего бака на таможне и с точки набора по квитанции, — сказал Илья. — Четвёртую оставим для угольного двора.

Ада не открыла шкаф.

— Кто примет?

— Городская лаборатория.

— По направлению городской службы.

— Кадир может передать через больницу.

— Кадир уже принял Нури и Саида без лишних вопросов. Если ты принесёшь ему ещё воду с восемью невидимых дворов, вопросы станут не лишними, а служебными.

Мара присела на подоконник.

— Есть частник у соляных складов.

— Он проверяет рыбу и лёд, — сказала Ада. — И продаёт результат тому, кто заплатил. Нам нужен результат, который признает Даган, если придётся останавливать городской источник.

Фамилия впервые прозвучала в комнате не как название должности.

Самир Даган руководил санитарной службой порта третий год. Илья видел его однажды издали, когда людей из сгоревшего общежития построили перед мобильным кабинетом и отмечали мелом после осмотра. Мара тогда увела Илью через рыбные ряды раньше, чем служба добралась до тех, кто не мог назвать работодателя.

— Он не признает четыре банки без происхождения, — сказал Илья.

— Он не признает их при тебе, — ответила Ада. — Меня хотя бы выслушает.

Илья понял, что она уже решила идти.

— Если ты принесёшь их одна, он спросит, откуда они.

— Скажу: из практики.

— Какой практики?

— Моей. У меня есть старое разрешение фельдшера на работу в доках.

— Просроченное, — напомнила Мара.

— Но с фотографией, где я похожа на себя.

Ада достала ключ от шкафа.

Они собирали воду так, чтобы не создавать нового маршрута на бумаге. Мара принесла образец из цистерны сама и сразу вернула ключ Рашиду, оставив машину под его надзором. Банку из синего бака передал проводник, который не знал, куда её понесут. Воду с городской колонки набрала прачка, обычно ходившая туда за водой для утюгов. Угольный двор прислал банку, обёрнутую в старую газету, и медную шайбу отдельно. На крышках Ада поставила четыре номера. Связь между номером и условным знаком осталась на полосах бумаги в железном ящике. Связь между знаком и местом — у Мары и проводников.

Илья смотрел на четыре одинаковые банки и чувствовал, как легко принять разделение сведений за безопасность. Достаточно было задержать Аду, проследить за Марой, открыть

ящик — и части снова становились картой. Но сейчас это было единственное устройство, в котором ни один человек не владел всем.

— Я пойду с тобой, — сказал он.

Ада закрыла шкаф.

— Тогда моё разрешение перестанет быть главным вопросом.

— Даган всё равно спросит, кто остановил цистерну.

— Я скажу: клиника.

— Это было моё решение.

— Вчера ты не хотел оставлять имя. Сегодня хочешь оставить лицо?

В её голосе не было насмешки. Только усталое требование заметить собственное противоречие.

— Рашид потребовал, чтобы отвечал я.

— Рашид не Даган. Рашиду нужен человек, с которого можно взыскать ущерб. Дагану нужна сеть, которую можно поставить на учёт.

— Если ты придёшь вместо меня, сетью для него станешь ты.

Ада затянула крышки и уложила банки в деревянный ящик с перегородками.

— Поэтому войдём вместе. Говорить буду я.

Белая палата находилась в административном корпусе карантинной пристани. Так её называли докеры, хотя больных там никогда не держали. Стены, пол, ставни и даже длинная скамья были выкрашены в разные оттенки белого, будто учреждение пыталось доказать чистоту одним цветом. На входе пахло известью и мокрой верёвкой. У двери дежурил человек в серой форме без оружия, но с книгой посещений.

Ада положила на край стола своё разрешение.

Дежурный перелистал его, нашёл дату и поднял бровь.

— По вопросу возможного загрязнения питьевой воды, — сказала она прежде, чем он успел отказать. — Четыре образца. Есть совпадающие случаи на нескольких участках.

— Направление?

— Просим оформить после первичной беседы с руководителем.

Дежурный посмотрел на Илью.

— А он?

— Свидетель решения об остановке развозки.

— Имя.

Илья ощутил, как простое слово снова превращается в дверь. Назваться Севером здесь означало оставить очевидную ложь. Назваться Севериным — связать себя с журналом, которого он ещё не видел.

— Илья Север, — сказал он.

Дежурный записал именно так, не спрашивая документ. Ложь вошла в белую книгу легче правды.

Ждать пришлось недолго. Самир Даган вышел сам, в рубашке с закатанными рукавами, без белого халата. Он был моложе, чем представлял Илья, и двигался без торопливости человека, которому не нужно показывать власть скоростью. Сначала он посмотрел на ящик, затем на Адино разрешение, только потом — на Илью.

— Вы остановили цистерну Рашида Това? — спросил Самир.

— Я остановил, — ответил Илья.

Ада чуть повернула голову: говорить должна была она. Но сказанное уже стояло между ними.

— На каком основании?

— Несколько сходных случаев после доставки на двух остановках. Были сведения ещё о третьей.

— Сколько случаев?

— Подтверждённых осмотром — четыре на старой таможне. По остальным сейчас собираем обезличенные данные.

— Кто «мы»?

— Люди, которые оказывают помощь там, куда городская служба приходит слишком поздно.

Самир не обиделся.

— Поздно — это после сообщения, которого нам не передали?

Он пригласил их в комнату с большой картой Кайрана. На карте цветными булавками были отмечены колонки, резервуары, рынки и общежития. Белых мест почти не оставалось, но Илья знал десятки дворов, которых на ней не существовало.

Самир открыл ящик, не касаясь банок.

— Происхождение образцов.

Ада назвала: развозная цистерна, дворовый бак после доставки, городская точка набора, ещё один дворовый бак. Номера совпадали с её листом. Названий районов там не было.

— Время отбора?

Она сообщила часы.

— Кто отбирал?

— Разные люди по моим указаниям.

— Какие указания?

— Чистая тара, закрытая крышка, ничего не переливать после.

Самир закрыл ящик.

— Я могу принять только то, что отобрано службой или передано с проверяемой цепочкой. Иначе результат покажет состояние четырёх банок, а не городской воды.

— Тогда направьте людей и отберите сами, — сказал Илья.

— Куда?

Илья посмотрел на карту.

Самир подвинул к нему коробку красных булавок.

— Покажите точки случаев и точки отбора. Не имена. Не документы. Географию.

— География приведёт вас к людям.

— Вода тоже приводит к людям. В этом смысл водопровода.

— В этих местах нет водопровода.

— Тем более.

Ада положила на стол разрешение так, чтобы закрыть коробку с булавками.

— У нас есть клинические номера и время. Мы можем передавать сводку. Маршруты останутся у проводников.

Самир перевёл взгляд на неё.

— Тогда я не смогу отличить один очаг от четырёх слухов. Не смогу повторно взять образец. Не смогу проверить, что двенадцать сообщений не относятся к одной семье, которую пересказали трижды.

— А если дадим дома, сможете отличить пациента от человека без регистрации? — спросила Ада.

В комнате стало слышно, как по крыше ходят голуби.

— Санитарная служба не занимается регистрацией проживания.

— Но ваши журналы запрашивают те, кто занимается.

— Во время угрозы населению я обязан хранить сведения об очаге.

— А после угрозы?

Самир не ответил сразу. Это молчание было честнее готового обещания.

— После угрозы документы остаются документами, — сказал он. — Я не буду утверждать обратное.

Илья ожидал угрозы, презрения к нелегальной клинике или сделки, замаскированной под приказ. Вместо этого Самир признавал слабое место собственной власти и всё равно требовал карту.

— Что вы предлагаете? — спросил Илья.

— Временный доступ к лаборатории. Эти четыре банки пойдут как ориентировочные. Сегодня мои сотрудники отберут повторные образцы. Вы передадите точки пациентов и источников, чтобы мы сопоставили случаи. Если связь подтвердится, я остановлю набор воды официально и организую подвоз. Если нет — открою цистерну и зафиксирую ущерб Рашида.

— Доступ кому?

— Вашему фельдшеру.

Самир посмотрел на просроченное разрешение Ады.

— И вам как временному помощнику, если назовёте полное имя и прежнюю квалификацию.

Илья почувствовал, как предложение ложится точно на его слабость. Официальная лаборатория означала не только ответ про воду. Она возвращала ему комнату, где решения можно было проверить прибором, подписью другого специалиста, повторным исследованием. На несколько дней он снова стал бы врачом не по чужому прозвищу, а по допуску. Нужно было лишь поставить красные булавки.

— Нет, — сказал он.

Ада не шелохнулась.

— Тогда на каком основании вы удерживаете цистерну? — спросил Самир.

— На моём решении до вечера. Потом Рашид вправе забрать ключ и предъявить мне счёт.

— Ваше решение уже заставило людей искать другую воду. Вы можете ошибаться не только в сторону бездействия.

— Знаю.

— Пока не похоже. Человек, который знает цену ошибки, приносит способ её проверить. Илья посмотрел на четыре банки.

— Мы принесли данные, не дома.

— Вы принесли утверждение, которое мне предлагается сделать властью. Если я закрою источник, мне придётся объяснить почему. Если не закрою и люди заболеют — тоже. А вы хотите оставить себе решение и не оставить возможность его повторить.

Эти слова почти совпадали с тем, что Ада говорила над синим журналом. Разница была в карте на стене. Ада требовала запись, чтобы решение не принадлежало одному человеку. Самир требовал местность, чтобы власть могла прийти туда снова. Оба были правы ровно до той черты, за которой запись начинала служить не пациенту.

— Примите банки как ориентировочные, — сказала Ада. — Если результат покажет повод, мы приведём ваших людей к источникам без передачи адресов. Проводник встречает сотрудника, отбор проводится, маршрут не заносится в общий журнал.

— А случаи?

— Сводка по времени и признакам.

— Без точек я не дам заключение о связи.

— Тогда не давайте. Дайте результаты по четырём номерам.

Самир усмехнулся без веселья.

— Вы просите государственную лабораторию стать вашим слепым инструментом.

— Нет, — сказала Ада. — Мы просим вас увидеть не всё.

Он вернул разрешение.

— Условия я назвал. До шести вечера можете принести таблицу с точками. После шести образцы утилизируют как оформленные ненадлежащим образом.

Ада взяла ящик.

— Значит, вы их не принимаете?

— Принимаю на временное хранение. Это больше, чем позволяет порядок.

— И меньше, чем позволяет ваша должность, — сказал Илья.

Самир впервые посмотрел на него с открытым раздражением.

— Моя должность позволяет закрыть вашу клинику, если там ведётся приём без разрешения. Я этого не сделал. Не путайте выбор меры с отсутствием меры.

Он позвал дежурного и велел поставить ящик в прохладную кладовую. В журнал внёс четыре номера, время и имя Ады. Графу происхождения оставил пустой до шести.

У выхода Илья задержался.

— Если я назову полное имя, но не точки, допуск останется?

— Нет.

— Значит, имя вам не для ответственности.

— Имя нужно, чтобы знать, кто отвечает за медицинскую часть. Точки — чтобы знать, за что именно. Одно без другого удобно только человеку, который хочет исчезнуть после решения.

Самир закрыл белую книгу посещений.

На улице свет резал глаза сильнее, чем белые стены. Ада шла быстро, не дожидаясь Ильи. Он догнал её у навеса, где рабочие сматывали мокрые канаты.

— Ты знала, что он предложит доступ?

— Знала, что предложит сделку. Не знала цену.

— Я отказался.

— Я слышала.

— Ты считаешь, нужно было согласиться?

Ада остановилась.

— Я считаю, ты снова сделал общее решение своим. Вчера остановил цистерну. Сегодня отказался от лаборатории. Оба раза, возможно, правильно. Но правильность не делает тебя единственным владельцем риска.

— Если бы мы начали совещаться при Рашиде, вода ушла бы по маршруту.

— А сейчас до шести есть время спросить тех, чьи точки ты защищаешь. Может быть, часть согласится на передачу. Может быть, нет. Ты уже ответил за всех.

Он хотел сказать, что Самир не примет половину карты. Потом понял: это предположение. Удобное, как любой заранее проигранный разговор.

— Собери проводников, — сказал Илья. — Пусть каждый спросит, согласны ли люди передать точку источника без имён. Отдельно — точку случая. Не связывать одно с другим.

— До шести не успеем всех.

— Кого успеем.

— А банки?

Ада посмотрела на административный корпус. В верхнем окне мелькнула серая рубашка Самира.

— Они уже внутри. И номер Ады Нор уже в журнале.

Долг перед Рашидом ждал у ледяного рынка. До вечера оставалось меньше четырёх часов. Если лаборатория откажется, у Ильи будет только ряд обезличенных случаев, чужая остановленная машина и собственное обещание прийти отвечать.

— Есть другой вход? — спросил он.

— В лабораторию?

— Не для меня. Для результата.

Ада долго смотрела на него, проверяя не способ обойти Самаира, а предел, до которого Илья готов снова сделать тайну личным инструментом.

— Ночная смена принимает материал из больницы, — сказала она. — По номеру направления. Кадира втягивать нельзя.

— Не будем.

— У меня остался блок старых номеров докового медпункта. Они закрыты три месяца назад.

— Это ложное направление.

— Да.

Слово прозвучало без оправдания.

Илья вспомнил другое исправленное время, другую бумагу, которая должна была сделать прошлое решение аккуратнее. Тайная передача могла дать нужный ответ и одновременно повторить знакомое движение: изменить запись, чтобы система приняла то, чего не приняла бы при полной правде.

— Номер не должен изображать действующее направление, — сказал он. — Только связать четыре образца. Ада, если для этого надо подделать подпись или дату, мы не делаем.

— Тогда их вернут.

— Пусть вернут. Но сначала попробуем передать как материал без установленного происхождения, для внутреннего сигнала. Без заключения об очаге.

— Даган увидит результаты.

— Пусть увидит. Он должен увидеть номера, а не украденную карту.

Ада кивнула не сразу.

— Я заберу банки в шесть, когда он закроет графу. Ночью отнесу на приёмное окно. Укажу своё имя и что происхождение обезличено по просьбе пациентов. Если откажут, отказ тоже будет записью.

— Я пойду с тобой.

— Нет. Ты пойдёшь к Рашиду.

Мара показалась в конце улицы. За ней шли трое проводников, каждый со своим ответом и без единого листа в руках.

Илья посмотрел на часы над соляной конторой. До встречи оставалось два часа сорок минут.

— Передай образцы, — сказал он Аде. — Без точек, без чужой подписи, под своим именем. А я запишу, почему мы это сделали и что результат не докажет связь с домами.

— В синем журнале?

— В синем журнале.

Ада протянула ему ключ от железного ящика.

Впервые он получил доступ к записи не потому, что сумел остаться безымянным, а потому, что согласился заранее ограничить силу будущего результата. Это не погашало долг перед Рашидом и не превращало четыре банки в доказательство. Но к вечеру у их решения появлялся след, который нельзя было переписать после исхода.

Глава 5. Чужой шов

У ледяного рынка даже вечером было светло. Под жестяными навесами горели синие лампы, талая вода стекала в канавы вместе с чешуёй и красной пылью. Продавцы уже сворачивали тенты, но грузчики продолжали таскать лёд к лодкам: ночью цена холода росла.

Рашид ждал у запертой цистерны. Синяя машина стояла поперёк пустого ряда, словно её выставили на обозрение. На лобовом стекле белела квитанция с водозабора, под дворником — лист с перечнем остановок. Рашид не протянул руки.

— Ты пришёл без фельдшера, — сказал он.

— Ада забирает образцы из лаборатории.

— Значит, ответа нет.

— Пока нет.

Илья положил на перевёрнутый рыбный ящик синий журнал и раскрыл страницу, которую заполнил перед встречей. Четыре номера образцов, время передачи, ограничения результата. Ни одного адреса. Ни одной фразы, которая превращала бы подозрение в установленную причину.

Рашид не посмотрел.

— Мне не нужен твой журнал. Мне нужны восемь рейсов.

Он назвал сумму: топливо, плата водителю, испорченный лёд, неустойка хозяину кра- сильни. Илья записал каждую строку отдельно. Спорить о расходах без квитанций сейчас озна- чало бы сделать вид, будто отсутствие бумаги отменяет ущерб.

— Здесь нет заработка, который ты потерял сам, — сказал Илья.

— Я его не докажу.

— Запишем отдельно как заявленную потерю.

— И кто заплатит?

Илья провёл черту под перечнем.

— Я признаю, что остановил машину своим решением и что остановка причинила тебе этот ущерб. Подтверждённые расходы проверим по квитанциям. Остальное разберём при сви- детелях.

— Кто заплатит? — повторил Рашид.

Ответ «я» уже поднимался к горлу. Обещание превращало чужую злость в его личный долг и позволяло вообразить, что всё снова зависит только от него. Но денег на названную сумму у Ильи не было.

— Я не могу обещать немедленную выплату и не стану обещать чужие деньги. Подписы- ваю признание решения и ущерба. После анализа разберём, какие расходы относятся к воде, а какие — к моему способу остановить рейс.

Рашид наконец взял журнал. Прочёл медленно, двигая губами, затем ткнул ногтем в строку.

— «Временный запрет». Ты не имеешь права запрещать.

— Поэтому ниже написано: распоряжение продавцу, принятое без полномочий санитар- ной службы.

— Красивое признание. Оно вернёт мне клиентов?

— Нет.

— Тогда напиши, что Север отвечает своим настоящим именем.

Между ними прокатили тележку с ледяным блоком. Рашид не торговался за тайну. Он требовал, чтобы человек, остановивший его работу, существовал дольше одного прозвища.

Илья взял карандаш. На свободной строке написал: «Решение принял Илья Северин». Рука не дрогнула, но после точки ему пришлось разжать пальцы.

— Документ?

— Сейчас при мне нет документа, который даст тебе способ взыскать деньги.

— Значит, и это может быть ложью.

— Может. Ада подтвердит то же имя. Ты вправе считать признание недостаточным.

— Я не вправе ничего. Ты пришёл, закрыл кран, потом признал, что не власть, и оставил мне имя без адреса.

— Да.

Прямой ответ разозлил его сильнее оправдания. Рашид оттолкнул журнал, и тот едва не упал в канаву. Илья поймал его за обложку.

Из-за холодильных дверей выбежал мальчик в жёлтой майке. Он оглядывался, пока не увидел Илью.

— Север! Мара велела искать у синей машины. У Лале жар, и она не даёт Аде позвать Кадира.

— Где они?

— В канатном дворе. Ада пришла туда прямо из белой палаты.

Илья закрыл журнал.

— Я должен уйти.

Рашид коротко рассмеялся.

— Конечно. У тебя всегда найдётся большой раньше моего счёта.

— Страница остаётся у тебя до утра. Ключ пока у Мары; без результата я не прошу продевать остановку после полуночи.

— Не просишь? — Рашид схватил лист с маршрутами. — В полночь я сам открою кран.

— Если анализов не будет, это твоё решение. Но до первого рейса промой ёмкость и не бери воду из того же места.

— За чей счёт?

Илья не ответил заочно придуманной суммой.

— Запиши отдельно. Вернусь утром.

Он оставил журнал на ящике и пошёл за мальчиком. Позади Рашид крикнул настоящее имя — не чтобы позвать, а чтобы проверить, обернётся ли его владелец. Илья обернулся.

— Утром, Северин, — сказал Рашид.

— Утром.

До старой таможни они добрались между соляными складами. Над портом собиралась гроза. Мальчик на ходу объяснил: Лале заболело под рёбрами, начался озноб, потом она легла и перестала отвечать Нури.

Во дворе пахло мокрой пенькой. На лестнице сидел Нури с перевязанной рукой.

— Она сказала, что это кашель. Ада увидела другое.

— Кто сейчас с ней?

— Ада и Мара. Лале не хочет, чтобы ты входил.

— Почему?

Нури посмотрел на дверь.

— Она вспомнила, что ты делал прошлой осенью.

Илья тоже вспомнил — раньше, чем вошёл.

Тогда Лале привели ночью в прачечную с глубокой раной под грудью. До больницы было двадцать минут, но у неё не было местной карточки и разрешения на проживание. Илья решил обработать повреждение на месте и закрыл рану. Наутро стало лучше. На повторный осмотр она не пришла.

Лале лежала на узкой кровати. Ада держала лампу, Мара стояла у окна. Пот блестел на лице Лале, но губы были сухими. Дышала она коротко, оберегая левый бок.

— Я сказала им, что это пройдёт, — произнесла она, не открывая глаз.

— Поэтому они позвали меня, — ответил Илья. — Чтобы я проверил, можно ли ждать.
— Ты уже проверял.

Ада отвела его в сторону и тихо перечислила наблюдения: высокая температура, нарастающая боль, слабость, изменения в области старого рубца. Она ничего не называла диагнозом. В её голосе не было упрёка, но последнее слово она произнесла отчётливо:

— Твоего рубца.

Илья вымыл руки и попросил разрешить осмотр. Лале кивнула. Под старым рубцом кожа изменилась, дыхание слева запаздывало, любое движение отзывалось глубокой болью. Возможные причины требовали того, чего здесь не было: снимка, анализов, хирургической готовности и наблюдения.

— В больницу, — сказал Илья.

Лале открыла глаза.

— Нет.

— Здесь нельзя безопасно понять, что происходит, и нельзя исправлять вслепую.

— Ты уже исправлял вслепую.

— Да.

Нури шагнул к кровати.

— Тогда исправь сейчас.

— Прошлой осенью я решил, что рану можно закрыть здесь, — сказал он. — У меня не было снимка и условий для наблюдения. Я согласился оставить Лале вне больницы, потому что она боялась проверки. После улучшения я принял отсутствие за выздоровление. Теперь осложнение может быть связано с тем вмешательством.

— «Может быть» — это ты себя бережёшь? — спросила Лале.

— Это граница того, что я знаю. Решение тогда было моим. И оно было недостаточно безопасным.

Ада поставила лампу на табурет.

— Ты говорил, что работал в больнице. Кем?

— Я был хирургом. Торакальным хирургом. С лицензией, отделением и допуском к операциям.

Нури перевёл взгляд с фотографии на стене — снимок лежал теперь под краем зеркала — на руки Ильи.

— Поэтому ты умел.

— Поэтому я должен был лучше понимать, чего здесь не умеют стены, свет и мои руки без больницы.

— Ты осматривал людей у меня, зная, что я не знаю твоей квалификации.

— Да.

— И дал мне отвечать за помещение.

— Да.

— Хватит говорить «да», как будто признание уже делит последствия.

Она отвернулась к Лале и проверила пульс. Мара перестала обмахивать окно.

— Сейчас что нужно? — спросила она.

— Официальная хирургическая помощь сегодня, — сказал Илья. — Не утром и не после результатов воды. Нужна диагностика и место, где смогут действовать, если состояние ухудшится.

— Там спросят карточку, — сказала Лале.

— Спросят имя, дату рождения, адрес, документы. Я не могу обещать, что сведения не уйдут дальше приёмной.

— Тогда нет.

— Если остаться, риск не исчезнет. Он станет медицинским и может стать необратимым.

— А если поехать, необратимым станет другое.

Лале не была препятствием, которое следовало перенести через дверь ради правильного решения. Больница могла спасти тело и разорвать жизнь; Илья не имел права уменьшить ни одну часть выбора.

— Расскажи всё, что может случиться здесь до утра, — сказала Мара. — Потом всё, что может случиться у ворот больницы. Без уговоров.

Илья сел так, чтобы Лале видела его лицо. Причина не установлена; ухудшение может быть связано со старой раной, но возможны и другие процессы. Здесь их не различить. Ожидание могло сократить время для безопасной помощи. В больнице её осмотрят заново и могут оставить; проверка документов вероятна.

Он не подталкивал страхом и отвечал только в пределах известного. Ада могла сопровождать Лале, но её разрешение просрочено. Мара знала грузовой медпункт у моста: оттуда иногда передавали рабочих дальше без общего зала, однако путь зависел от отлива и не гарантировал отсутствия записи.

— А ты? — спросила Лале у Ильи. — Войдёшь под своим именем?

Он вспомнил синюю страницу у Рашида. Имя уже существовало, но пока только там, где его нельзя было проверить.

— Войду как Илья Северин и скажу, что вмешательство делал я без местной лицензии. Ада резко подняла голову.

— Ты понимаешь, что тогда нас могут найти через тебя?

— Мы отделим сведения о Лале от адреса клиники и имён других пациентов. Но своё участие я больше не могу отделять от её рубца.

— Красиво, — прошептала Лале. — А если тебя возьмут у двери, кто объяснит врачу?

— Значит, описание должно быть у Ады и у тебя до того, как мы подойдём к двери. Без выдуманной истории. Время, что было сделано, что изменилось сейчас, чего мы не знаем.

Ада достала лист, но не начала писать.

— Сначала решение Лале.

Гром прокатился над складами, лампа погасла и загорелась слабее. До дождя оставалось мало времени.

— Я не пойду через главные ворота, — сказала Лале. — И не дам адрес Нури.

— Это условия, — ответила Мара. — Не отказ.

— Если через грузовой медпункт можно попасть к врачу без очереди у документов, попробуем. Но вы скажете мне до выхода, где моё имя запишут и кто увидит бумагу.

Илья кивнул.

— И если путь закроется, — продолжила она, — вы не повезёте меня тайком туда, куда я отказалась.

— Не повезём. Тогда снова обсудим варианты и цену ожидания по состоянию на тот момент.

— А шов ты здесь не тронешь.

— Не трону.

Это было не разрешение на больницу, а согласие готовить маршрут. Оно принадлежало Лале, а не Илье.

Ада начала запись. Илья продиктовал прежнее вмешательство без смягчающих слов и остановился на строке «исполнитель».

— Полное имя, — сказала она.

— Илья Северин. Бывший торакальный хирург. Местной лицензии нет.

Она записала и дала лист Лале.

— Здесь нет, что будет с моими документами.

— Потому что мы не знаем, — сказал Илья.

Ада добавила: «Административные последствия обращения заранее не установлены; отсутствие гарантии разъяснено». Лале поставила рядом короткую черту вместо подписи.

Мара ушла проверять дорогу к мосту и время отлива. Нури собрал сухую одежду, но Лале не поднимали до возвращения проводницы.

На подоконнике лежал конверт Веры. Илья взял его и убрал под фотографию.

Сегодня у него уже было достаточно прошлого, которое требовало действия в настоящем. Чтение не помогло бы Лале дышать и не сделало бы признание полнее.

Снаружи ударили первые капли. Четыре банки воды либо ждали ночного окна, либо уже возвращались к Аде. Илья не позволил себе связать жар Лале с общей вспышкой только потому, что одна причина была удобнее двух.

Он проверил часы. До отлива оставалось меньше часа.

— Когда Мара вернётся, — сказал он Аде, — сначала сверим маршрут и места записи. Потом ещё раз объясним Лале риск каждого перехода. Если она согласится, идём. Если состояние ухудшится раньше, вызываем официальную помощь сюда и называем им только то, что нужно для неё.

— А клиника?

— Не прячем её ценой Лале. Но и не отдаём чужие имена вместе с моим.

Ада закрыла лист ладонью.

— Это не ты один решишь.

— Не я один.

Во дворе свистнула Мара. Два коротких сигнала означали: путь пока открыт. Илья поднялся, но не прикоснулся к Лале, пока она сама не протянула руку.

— Говори каждый раз, куда несут, — потребовала она.

— Каждый раз.

Её ладонь была горячее и сильной лишь на первый миг. Потом пальцы ослабли, и Илья осторожно вернул руку на покрывало. Чужой шов больше нельзя было считать старой удачей. Теперь он становился записью, маршрутом и именем того, кто его оставил.

Глава 6. Мост на отливе

Мара вернулась во двор мокрая до плеч, хотя дождь ещё не успел стать сплошным. Она сняла с шеи красный шнур и намотала его на ладонь.

— Нижняя дорожка открыта, — сказала она. — У медпункта смена до полуночи. Но вода идёт быстрее таблицы. У нас не час.

— Сколько? — спросила Ада.

— Если дождь не усилится — минут сорок до лестницы. Если усилится, таблица ничего не значит.

Лале слышала. Она сидела на краю кровати, придерживая левый бок, и дышала так, словно каждое движение воздуха надо было пропустить через узкую щель. Нури затягивал ремни на складных носилках. Илья хотел проверить пульс ещё раз, но сначала присел перед Лале.

— Маршрут идёт вдоль канала к нижнему мосту, потом по служебной дорожке к грузовому медпункту. Там тебя осмотрят и решат, нужна ли передача в больницу. В медпункте запишут имя и причину обращения. Что сделают с записью дальше, мы не знаем.

— Кто понесёт бумагу? — спросила Лале.

Ада подняла сложенный лист.

— Я. Здесь твоё состояние, прошлое вмешательство и имя того, кто его делал. Адреса канатного двора нет. Имени Нури нет.

— Моё есть.

— Без него тебя могут принять как неизвестную, но это не обещание защиты, — сказала Ада. — Решение твоё.

Лале посмотрела на Илью.

— Если я скажу вернуться?

— Вернёмся, пока обратный путь безопасен. Если станет хуже, снова обсудим помощь там, где будем находиться. Я не буду решать вместо тебя только потому, что дорога заканчивается.

Она закрыла глаза, переждала приступ боли и кивнула.

Нури поднял передний край носилок. Илья взялся за задний, но Мара отвела его руку.

— Ты рядом с Лале. Нести будут те, кто знает ступени.

Она позвала двух канатчиков со двора. Они молча подхватили носилки, а Илья пошёл сбоку, оставив сумку Аде. Уже у ворот Лале спросила:

— Куда сейчас?

— К соляной стене, потом вниз к каналу, — ответила Мара. — До первого поворота нас видно из двора. После него вернуться можно той же дорогой.

Они вышли в дождь.

Пыль между складами стала чёрной, соляная корка на стенах потекла белыми жилками. У синей красильни горела лампа. Илья подумал о Рашиде, но признание ущерба не давало права задерживать Лале.

Мара вела не кратчайшим путём. У каждого перекрёстка она называла Лале следующий участок и ждала ответа. Сначала Лале отвечала словами, потом только поднимала два пальца. На спуске к каналу её затрясло. Носилки поставили под навесом мастерской.

Илья попросил разрешения осмотреть её. Лале кивнула. Он не пытался назвать причину по нескольким признакам. За время пути дыхание стало чаще, голос слабее, боль уже не отпустила между толчками носилок.

— Состояние ухудшается, — сказал он. — Можно продолжить к медпункту. Можно вызвать официальную помощь сюда. До медпункта по прежнему расчёту около двадцати минут, но путь зависит от воды. Ожидание здесь добавляет риск.

— Катер увидит весь берег, — сказала Мара.

— Я спрашиваю Лале, — ответил Илья.

— А я сообщаю цену. На этом берегу живут люди, которых увидят вместе с катером.

Лале открыла глаза.

— Идём к пункту. Пока дорога есть.

Мара коротко кивнула. Она не простила Илье его тона, но спор закончила решением Лале.

Нижний мост оказался не мостом в городском смысле, а ржавой грузовой фермой над протокой. Рядом, ниже настила, шла бетонная полка, по которой рабочие во время отлива сокращали дорогу между складами и причалами. Сверху проход охраняли: там проверяли пропуск на закрытую территорию. Нижняя дорожка никому не принадлежала, пока её не забирало море.

Под фермой гремела вода. Она уже покрывала дальний край бетонной полки и несла обломки ящиков, водоросли, радужные пятна топлива. На стене темнели старые отметки прилива. До той, которую Мара показала пальцем, оставалось меньше ладони.

— Должна была быть ниже, — сказала Ада.

— Дождевой сброс, — ответила Мара. — Или открыли затвор у доков.

Она прошла несколько шагов одна. Волна ударила о бетон и поднялась ей выше щиколотки. Мара вернулась.

— Носилки не пронесём. Через десять минут не пройдёт никто.

Сверху по решётчатому настилу прокатился погрузчик. Свет его фар на миг разрезал дождь. За сеткой стояла будка охраны; до неё вела лестница с запертым нижним пролётом.

— Позови охрану, — сказал Нури.

— Тогда нас выведут через ворота, — ответила Мара. — Там пост документов.

— Медпункт за воротами?

— В трёх складах отсюда. Но с этой стороны теперь только вода или верхний пост.

Лале закашлялась и согнулась, насколько позволяли носилки. Канатчики посмотрели на Илью. Он почувствовал старую, почти приятную ясность: перечислить признаки, отдать приказ, заставить остальных двигаться. Так было легче, чем признать, что медицинская срочность не стирала чужих причин бояться ворот.

Он опустил рядом с Лале.

— Прежний маршрут закрыт. Варианты изменились. Первый: подняться к охране и пройти через пост. Тогда проверка документов почти неизбежна, а до медпункта нас проведут по территории. Второй: вызвать официальный санитарный катер. Он подойдёт к причалу ниже моста; служба получит место вызова и запишет передачу. Третий: возвращаться. Обратная дорога пока открыта, но твоё состояние стало хуже, и помощь отложится.

— Катер — Дагана? — спросила Ада.

— Городской портовой службы. Вызов попадёт в общую систему. Кто увидит его после смены, я не знаю.

— Ты обещал грузовой пункт, — сказала Лале.

— Мы дошли до закрытого прохода. Я не могу выдать старое обещание за существующую дорогу.

— А если верхом?

Мара ответила сама:

— Твоё имя у охраны, наши лица у ворот. Быстрее катера, если они сразу откроют. Но они могут держать нас до проверки.

Лале прижала ладонь к рёбрам.

— Катер заберёт только меня?

— Обычно с пациентом разрешают одного сопровождающего, — сказала Ада. — Гарантировать не могу.

— Ты поедешь?

— Если разрешат.

— А он? — Лале указала глазами на Илью.

Илья понимал вопрос. Без него рассказ о старом вмешательстве мог превратиться в чужую запись с неизвестным исполнителем. С ним катер получал человека, которого можно было проверить.

— Я передам врачу сведения лично и оставлю своё имя. Если возьмут только одного сопровождающего, поедет Ада, а я останусь до решения команды. На листе всё, что мы знаем.

— И где мы живём?

— Этого на листе нет. Адрес клиники, канатного двора и маршруты других людей я не назову. Но место вызова останется в журнале катера.

Мара выпрямилась.

— Место вызова — уже маршрут.

— Один участок, не вся сеть.

— Службе достаточно одного участка, чтобы завтра поставить людей на оба конца.

— Поэтому решает не сеть целиком и не я, — сказал Илья. — Лале должна знать и это.

— Я уже знаю, — прошептала Лале. — Вы спорите так громко, будто вода ещё не пришла.

Волна ударила в опору. Брызги долетели до носилок.

— Катер, — сказала Лале. — Ада со мной. Он называет себя и рассказывает про шов. Больше никого не отдавайте.

Мара отвернулась к протоке. Илья не услышал согласия, но и не стал собирать его после решения пациентки.

Связь под мостом пропадала. Ада поднялась к лестничной цепи и набрала диспетчерскую. Она назвала нижний причал и отказалась придумывать номер склада.

— Им нужно имя вызывающего, — сказала она вниз.

— Ада Нор, — ответила она сама после паузы. Потом прикрыла трубку. — Спрашивают, есть ли на месте медицинский работник.

Илья поднялся на две ступени.

— Скажи: Илья Северин, бывший торакальный хирург, местной лицензии нет. Я осматривал пациентку и сообщу сведения бригаде.

Ада повторила дословно. Имя ушло не в тетрадь Рашида и не в лист, который можно спрятать под одеждой. Диспетчер переспросила фамилию по буквам. Илья продиктовал. Ада не смягчила ни одного слова.

— Катер будет через двенадцать минут, — сказала она, спускаясь. — Велели поднять пациентку выше линии воды. Охрану они уведомят сами.

— Значит, сверху уже знают, — произнесла Мара.

У будки зажёгся второй фонарь. Охранник вышел под козырёк и посмотрел вниз. Пока он не открывал цепь.

Они перенесли Лале на площадку лестницы. Нури держал куртку над сестрой. Канатчики ушли разными улицами. Илья не спросил имён.

— Ты вызвал их на моём маршруте, — сказала Мара. — Если всё проходит — ты спас. Если закрывается — проводник предложил. Ты оставляешь подпись только там, где уже нельзя отступить.

Илья понял: она говорила о том, как легко он превращал совместное решение в чужую долю последствий.

— Я согласился идти и не проверил запасной выход до того, как мы вынесли Лале. Это моя часть решения.

— Теперь её назовёт журнал катера.

С протоки донёсся низкий гудок.

Катер появился белым пятном с синим огнём на крыше. Вода уже скрыла бетонную полку. Матрос закрепил трос.

Охранник наконец отпер цепь. Сверху спустились двое в непромокаемых куртках с носилками. Женщина из бригады представилась и сначала обратилась к Лале, а не к Илье. Спросила имя, возраст, согласие на осмотр и передачу. Лале отвечала с паузами, но сама. Ада держала лист на виду.

Когда женщина спросила, кто оказывал помощь раньше, Илья шагнул вперёд.

— Илья Северин. В прошлом году я обработал и закрыл ей рану вне больницы. Местной лицензии у меня нет. Сейчас возможное осложнение связано с тем вмешательством, но причина не установлена.

— Где это было?

— Адрес не относится к нынешней передаче. Я сообщу характер вмешательства, время и наблюдения. В месте были другие люди, не имеющие отношения к Лале.

— Источник сведений — я. Запишите мой номер как контакт.

Он назвал номер ночных вызовов. Без него имя осталось бы жестом без способа задать вопрос. Илья добавил:

— Номер принадлежит мне. Не пациентке и не месту лечения.

Женщина отвела его в сторону. Илья ответил на вопросы о себе и вмешательстве, но адрес не назвал. Не назвал и роли Ады, Мары и Нури. Отказ записали тоже.

Запись уже содержала место, время, имена Лале и Ады, его имя и телефон. Но след возник не из тайного списка за всех, а из конкретной передачи, цену которой Лале услышала и приняла.

Бригада переложила Лале. Перед трапом она схватила Илью за рукав.

— Ты не едешь?

— С тобой едет Ада. Я останусь доступен врачу по телефону.

— Не исчезай раньше, чем они поймут, что ты сделал.

Он попросил показать запись: «Илья Северин; прежнее вмешательство; местной лицензии нет; связь по номеру». Адрес отсутствовал. Илья подтвердил строку.

Лале отпустила его рукав.

Ада уже ступила на катер, когда обернулась.

— Результаты воды придут на мой номер. Не принимай решений по ним один.

— Не приму.

— И письмо не трогай, пока не вернусь.

Илья не спросил, откуда она знает о конверте.

Катер отошёл от причала. Синий огонь растворился в дожде.

Нури сел на ступень и закрыл лицо ладонями. Мара смотрела на охранника, говорившего по телефону.

— Здесь больше нельзя ходить, — сказала она. — Ни завтра, ни через неделю.

— Я сообщу тем, кого это касается, — сказал Илья.

— Я сообщу. Ты не знаешь всех. И не пойдёшь за мной собирать новый маршрут.

— Я понял границу.

Она сняла красный шнур и бросила в протоку.

Охранник спустился на несколько ступеней.

— Кто из вас Северин?

Илья поднялся.

— Я.

— Диспетчер просил оставаться на связи. Санитарная служба утром захочет объяснение.

— Пусть звонят по номеру в записи.

— Адрес?

— Адреса не дам.

— Тогда хотя бы распишитесь, что пациентку передали отсюда.

Он протянул журнал в пластиковом чехле. В графе места стояло: «Нижний причал грузового моста». В графе вызывающего — Ада Нор. Ни канатного двора, ни клиники, ни имени Мары там не было.

Илья прочёл строку до конца и расписался полным именем.

Чернила расплылись на мокрой бумаге, но фамилия осталась различима.

Впервые Кайран мог проверить, что Илья Северин находился здесь не как Север и не как слух о враче. След был опасным и неполным. Он лишь не позволял человеку, оставившему шов, снова исчезнуть раньше последствий.

Телефон Ады был уже на катере, письмо Веры — под фотографией в канатном дворе, результаты воды — где-то между лабораторией и ночной сменой. Илья остался под мостом без двух ответов, к которым привык сводить всё происходящее.

Зато у города теперь был вопрос к нему, записанный его настоящим именем.

Глава 7. Цена катера

Телефон зазвонил, когда Илья ещё не дошёл до канатного двора.

Он остановился под жестяным козырьком закрытой весовой. По улице текла белёсая вода: дождь вымывал соль из стен и нёс её к решёткам, забитым верёвочным ворсом. На экране высветился номер ночных вызовов — тот самый, который он продиктовал на причале. Илья успел решить, что звонит больница, и от этой готовой догадки в груди стало тесно.

— Северин? — спросил мужчина. — Санитарная служба порта. Старший инспектор Рем Олас. Вы присутствовали при передаче Лале Тейр с нижнего грузового причала?

— Присутствовал.

— Ваше местонахождение сейчас?

— Для разговора оно не требуется.

— Это вы определяете?

— Пока вы не объяснили основание вопроса — да.

В трубке шелестела бумага. Значит, запись катера уже перестала быть мокрой строкой в журнале. Её переписали, внесли в сменный отчёт, передали человеку, который мог задавать следующие вопросы.

— Пациентка доставлена в городскую больницу, жива. Команда свяжется с вами о прежнем вмешательстве. Меня интересует маршрут пациентки к причалу.

Илья прислонился затылком к холодному металлу. Слово «жива» сняло один страх и освободило место остальным.

— Он не относится к лечению.

— Пациентка могла контактировать с заражённой водой по дороге.

— Тогда спросите о времени и характере контакта. Список поворотов не даст вам медицинского ответа.

— Я не уполномочен сообщать чужие адреса, — сказал он. — Запишите: пациентка находилась у нижнего грузового причала во время подъёма портовой воды. До этого, по моим сведениям, пила воду из развозной ёмкости. Образец этой воды уже передан вашей лаборатории через Аду Нор.

— Через какую точку?

— Номер образца есть у лаборатории.

— Северин, запись вызова связывает вас, Нор и женщину без указанного адреса с причалом, который не используется пешеходами при приливе. Мне не нужен ваш рассказ о погоде. Мне нужно понять, откуда вы туда пришли.

— Я отказался отвечать на этот вопрос бригаде. Отказ должен быть в записи.

— Есть. Поэтому я и звоню.

— Телефон останется включён, — сказал он. — Медицинские сведения я передам. Маршрут — нет.

— Тогда мы восстановим его сами.

— Это уже будет ваше решение, не моё согласие.

Он отключился не сразу: дождался, пока Олас закончит фразу о повторном звонке. Только после этого убрал телефон.

Мара ждала его у двора красильни, где синяя стена под дождём стала почти чёрной. Красного шнура на водостоке больше не было. На двери висел ржавый крюк, означавший для своих то, чего Илья не знал. Он понял лишь, что входить нельзя.

— Тебе уже позвонили, — сказала Мара.

— Это не было вопросом.

— Санитарная служба. Лале в больнице, жива. Ей оказывают помощь.

— Это сказала Ада?

— Инспектор Олас.

— Значит, за сорок минут запись ушла от катера к людям Дагана.

— Он спросил маршрут. Я не назвал.

— Ты всё время говоришь о том, чего не назвал. Будто цена начинается только после твоего ответа.

Она пошла вдоль стены. Илья двинулся рядом, не спрашивая, куда. На первом перекрёстке Мара остановилась.

— Дальше за мной не иди.

— Я должен вернуться в клинику.

— Клиника сегодня не там, где была.

— Из-за катера?

— Из-за места вызова, твоего номера и Адиноного имени. Из-за охранника, который видел Нури. Из-за двух канатчиков, которые не успели уйти до второго фонаря. Из-за того, что служба теперь знает: кто-то привёл больную женщину к нижней полке в час прилива и рассчитывал попасть к грузовому медпункту без верхних ворот.

— Лале выбрала катер, — сказал он.

— Да. После того как дорогу выбрали мы.

— Я признал свою часть.

— Перед кем? Перед охранником в журнале? Ты расписался за себя. А риск теперь общий.

— Я не мог расписаться за вас.

— Но мог не обещать дорогу, которую не проверил.

— Дорогу проверяла ты.

Мара шагнула к нему так близко, что дождь с края её платка попал ему на щёку.

— Вот. Наконец. Если Лале в больнице — ты назвал себя. Если служба приходит к мосту — дорогу проверяла я.

— Я согласился на маршрут, — сказал он. — И пошёл по нему как врач, которому удобнее было считать логистику чужой частью работы. Это не делает маршрут моим. Но делает последствия не только твоими.

— Красивее, чем в журнале.

— Что нужно сделать сейчас?

— Мне — вывести людей с двух проходов и убрать знаки. Нури — не возвращаться в канатный двор. Аде — решить, можно ли вообще открывать прежнюю комнату. Тебе — не идти следом и не спрашивать новый адрес.

— А пациенты, которые ждут?

— Их не бросили. Их передадут тем, чьи лица не видел охранник.

— Среди них может быть та же инфекция.

— Поэтому мы ждём результат, а не ведём службу за руку к каждой двери.

Мара развернулась, но Илья окликнул её:

— Лале получила помощь. Это тоже последствие.

— Её последствие, — ответила Мара. — Не монета, которой ты оплатил наши.

Она ушла за угол. Илья остался у тёмной стены, не зная, где теперь клиника. Впервые город закрыл перед ним не дверь, а сам способ найти её.

Ада позвонила через час.

К тому времени Илья сидел в пустой чайной возле рыбного рынка. Стулья были подняты на столы, на прилавке остывал чай с горькой кожурой.

— Лале в отделении, — сказала Ада без приветствия. Голос у неё был хриплым. — Она в сознании. Команда получила сведения о прошлой ране и не ждала, пока решат вопрос с бумагами. Больше по телефону не скажу.

— Я говорил с Оласом.

— Я знаю. Он пришёл сюда.

Илья сжал стакан слишком сильно. Тонкое стекло скрипнуло о блюдце.

— К Лале?

— Сначала ко мне. Я дала номера образцов и время отбора, но не адреса. В копии журнала охранник дописал приметы троих мужчин и Мары.

— Самир был с ним?

— Нет. Но распоряжение его службы. Илья, у нас результат лаборатории.

— Говори.

— Предварительный рост в образцах два и четыре. Лаборатория указывает бактерию из группы морских вибрионов. В листе написано вероятное совпадение с редким видом, который встречается в тёплой солоноватой воде. Они отдельно подчёркивают: идентификация предварительная, клинический диагноз из этого не следует.

— Какой вид?

— *Vibrio vulnificus*? — переспросил он.

— В листе стоит знак вопроса и требование подтверждающего исследования. Я сфотографировала формулировку. Не превращай её в готовый диагноз.

— Не превращу. В каких образцах?

— Второй — вода из синего бака у Лале. Четвёртый — смыв с низкой портовой ёмкости за ледяным рынком. В первом и третьем на момент отчёта такого роста не отмечено. Это не доказывает, что виновата цистерна Рашида. И не доказывает общий источник.

Если совпадение подтвердится, это была не привычная схема пищевого отравления. Тёплая портовая вода могла касаться ёмкостей, ран, рыбы, рук грузчиков — слишком многого, чтобы указать на один бак, и слишком опасного, чтобы ждать удобной ясности.

— У Лале брали материал? — спросил он.

— Больничная команда решает сама. Я передала им лабораторный лист как предварительный сигнал. Не делай выводов о её состоянии по воде.

— Кто ещё видел результат?

— Лаборант, дежурный врач, я. И Олас стоял рядом, когда пришло уведомление. Через несколько минут увидит Даган.

— Он потребует точки второго и четвёртого образцов.

— Уже потребовал. По второму у него есть нижний причал, имя Лале и наше время. По четвёртому — только описание ёмкости. Но описание можно сопоставить с портовыми объектами.

В конце улицы завёлся грузовик. Фары высветили жёлтую воду в выбоинах. Илья подумал не о пациентах, а о карте: синяя ёмкость, ледяной рынок, грузовой мост. Три отметки уже могли очертить район. Если добавить восемь остановок Рашида, получится не доказательство заражения, а готовый маршрут проверки документов.

— Нужно предупредить людей не использовать воду, которая могла соприкоснуться с портовым заливом, — сказал он. — До подтверждения — как временную предосторожность, без заявления об источнике.

— Каких людей?

— Всех на остановках Рашида и вокруг низкой ёмкости.

— Тогда назови их без списка.

— У Мары есть проводники.

— Мара закрывает проходы, которые мы сожгли катером. Если сказать «редкая портовая бактерия», люди понесутся в больницу, а служба получит районы по очередям. Если назвать цистерну Рашида, мы снова обвиним источник до подтверждения.

Илья слушал шум связи. Ему хотелось попросить Аду собрать всех, но «всех» означало место. Хотелось надиктовать единый текст, но единый текст мог стать слухом о смертельной заразе. Хотелось позвонить Самиру и обменять точки на быстрое предупреждение, хотя точки принадлежали не ему.

— Нужна формулировка, — сказал он. — Короткая. Предварительный лабораторный сигнал связан с двумя водными образцами из портовой низины. До уточнения не использовать воду из открытых или сомнительно заполненных ёмкостей для питья и приготовления еды. При ухудшении состояния обращаться за официальной помощью. Не называть вид, цистерну и районы.

— «Сомнительно заполненных» никто не поймёт. А официальная помощь для них не нейтральна.

Ада помолчала.

— Нужны два сообщения. Первое — что делать с водой сейчас, без диагноза и виновника. Второе — проводникам: где можно получить помощь и какую запись создаст обращение. И передавать не по адресам, а через места, которые всё равно меняются утром.

— Рыбный рынок, прачечные, раздачи льда.

— Это уже карта.

— Не домов. Общих точек.

— Общие точки тоже ведут к людям.

— Пусть места выберут проводники, — сказал Илья. — Мы дадим им содержание и пределы: без названия возбудителя как установленного факта, без обвинения Рашида, без адресов пациентов. Они решат, где и кому передать.

— «Мы» — это кто?

— Ты как человек, получивший результат. Я как человек, который видел случаи и отвечает за прежние решения. Лаборатория — за точность своей формулировки. Проводники — за способ передачи. Каждый должен иметь право изменить свою часть.

— И кто остановит сообщение, если части не совпадут?

— Ты.

Ответ вышел быстрее, чем Илья успел оценить его. Раньше он сказал бы: медицинский риск определяю я. Теперь это было бы не только неверно, но и бесполезно — он не знал ни мест, ни людей, ни цены конкретного предупреждения.

— Почему я? — спросила Ада.

— Потому что лист и связь с больницей у тебя, и ты не позволишь мне назвать предварительный результат диагнозом. Я подготовлю медицинскую часть, не возьму список и не потребую отчёта, кто получил сообщение.

— А Самир?

— Ему нужно сообщить, что предупреждение уходит через независимую сеть без передачи адресов. И спросить, готова ли служба дать один открытый пункт помощи без проверки документов.

— Он не даст гарантии по телефону.

— Тогда пусть откажет письменно.

Ада вздохнула.

— Ты снова хочешь поставить имя под документом.

— Нет. Я хочу, чтобы решение службы можно было проверить так же, как моё. Под своим именем я сообщу только то, что знаю сам.

— Хорошо. Приходи к старой соляной башне. Не внутрь. Там будет Нема.

— Рыбачка?

— Она передаёт штормовые сигналы лодкам и знает, как предупредить берег без списка домов. Мара согласилась выслушать её, не тебя.

— Когда?

— Через двадцать минут. Илья, ещё одно. Олас забрал копию лабораторного листа. Он сказал, что до рассвета служба проверит обе точки отбора. Если они восстановят путь четвёртого образца, у нас будет не двадцать минут.

Связь оборвалась.

Илья открыл на телефоне пустое сообщение и написал первую строку: «Предварительный сигнал лаборатории требует временной предосторожности; источник и диагноз не установлены». Ниже добавил три коротких действия, затем удалил одно, слишком похожее на медицинскую инструкцию, и заменил его предложением обращаться за помощью при ухудшении самочувствия. Имени бактерии не написал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.